

По лестнице спускались боги

На московском Ваганьковском прибавилось надгробных памятников. Белоснежным лебедем плывет на фоне темной зелени мраморный бюст величественной, чуть высокомерной, чуть капризной юной красавицы... А у подножия беломраморного обелиска — портрет Героя Социалистического Труда, народной артистки Советского Союза и Грузинской ССР, великой актрисы Малого театра Елены Николаевны Гоголевой.

Стою на месте последнего упокоения «великой» старухи Малого, хотя язык не поворачивается назвать так красивого человека, прожившего более 93 лет и сохранившего в полной ясности ум, юмор, неподдельный живой интерес к окружающей действительности. И полную трудоспособность, несмотря на болезни!

Я был знаком с прославленной артисткой. В 1950 году мне, студенту, предстояла дипломная работа, в ту пору это означало влиться в группу архитекторов высотного дома у Красных Ворот в Москве. А я «взбрыкнул» и заявил, что выберу тему сам, буду делать... монумент в честь Марии Николаевны Ермоловой. Я обратился к директору Малого театра, Михаилу Ивановичу Цареву, в местный комитет Малого к Елене Николаевне Гоголевой. И вот мне, безвестному студенту, назначена встреча. В подъезде Малого театра, что ближе к ЦУМУ. Стою и вижу: по лестнице ко мне спускаются мои боги! Как небожители, как олимпийцы на грешную землю — Гоголева, Зубов, Царев. И ведут со мной серьезные переговоры. И сейчас дух захватывает от такой смелости.

Я рос в провинции, в Калуге, но имена актеров с детства были на слуху. А первое, что сделал, очутившись в 1945 году в столице, пошел на Театральную площадь и с рук, неважно за какие деньги, взял билет на «Горе от ума» (Малый театр тогда еще играл в помещении Центрального детского). «Места неудобные» — стояло на билете. Я его сохраняю и ныне. А всего я видел четыре постановки «Горя от ума» в Малом...

Настал момент, когда мне было назначено время для показа «проекта». В одном из залов перед дирекцией я с трепетом ждал аудиенции. И вот выходят Царев, Гоголева и серьезно рассматривают мое произведение, задают вопросы, интересуются материалами, техническими возможностями, средствами. Конечно, я не умел тогда ни воплощать замыслы на практике, ни вообще дела вести. Но наши разговоры, уже по телефону, продолжались еще некоторое время.

Потом... идея памятника Ермоловой отошла к известнейшему скульптору Файдыш-Крандиевской. А потом все вообще заглохло, сказались финансовые трудности. И мне пришлось с позором отступить от мечты и вернуться к своей дипломной практике. Диплом я получил и даже «с отличием», но где-то в глубине души осталось чувство чего-то неоконченного, несовершенного.

В Малый я по-прежнему ходил чуть ли не на все спектакли. Посылал поздравления Елене Николаевне с праздниками, с днями рождения и вдруг стал получать от нее ответы. Так началось мой эпистолярный роман с великой актрисой, который длился до 1993 года. Сейчас сохраняю огромное количество дорогих мне писем, написанных кружевным, непростым, но красивым почерком.

Вернувшись работать в Калугу, я установил интересные факты: мать Гоголевой Елена Константиновна играла в начале века на сцене Калужского драматического театра, а ее отец Николай Семенович умер в Калуге и был похоронен в Лаврентьевом монастыре. Зимой 1942 года Елена Николаевна в составе фронтовых бригад бывала здесь, в Калуге, и пыталась на кладбище отыскать могилу своего отца. В письмах Елена Николаевна интересовалась творческой жизнью местного драматического театра имени Луначарского. Так что с Калугой Елену Николаевну связывало много нитей. И мой архив — одно из доказательств тому.

А. ДНЕПРОВСКИЙ,
архитектор.

КАЛУГА.
● Памятник Е. Н. Гоголевой. Скульптор Ю. Орехов.
Фото Н. Самойлова.